

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/507/4

«Нигилист Пётр Великий»: Ф.М. Достоевский об исторической роли Петра I в геополитическом аспекте

Елена Георгиевна Новикова¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, elenov@mail.ru

Аннотация. Собраны основные материалы высказываний Ф.М. Достоевского о роли и значении Петра I в истории России, которые впервые проанализированы в контексте геополитической картины мира писателя. Также впервые в центре изучения – формулировка Достоевского «нигилист Петр Великий», которая позволяет реконструировать созданный писателем образ первого российского императора в широком диапазоне исторических, социальных, культурных закономерностей российской действительности на основании использования культурно-исторического, сравнительно-исторического и имагологического методов анализа текста.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, Петр I, А.С. Пушкин, публицистика

Для цитирования: Новикова Е.Г. «Нигилист Пётр Великий»: Ф.М. Достоевский об исторической роли Петра I в геополитическом аспекте // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 29–36. doi: 10.17223/15617793/507/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/507/4

"The nihilist Peter the Great": Fyodor Dostoevsky on the historical role of Peter I in the geopolitical aspect

Elena G. Novikova¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, elenov@mail.ru

Abstract. For the first time, the article attempts to reconstruct the image of Peter I in the context of Dostoevsky's geopolitical worldview; at the same time, the writer's formulation "the nihilist Peter the Great" is also for the first time considered as his basic position in relation to Peter I. The relevance of the research is determined by the general problems of the interaction of fiction and socio-political thought, as well as the modern idea of Dostoevsky as an original political thinker. The main materials of Dostoevsky's statements about the role and significance of Peter I in the history of Russia, presented in Dostoevsky's journalistic works, are collected "Zimnie zametki o letnikh vpechatleniyakh", "Ob'yavlenie o podpiske na zhurnal 'Vremya' na 1861 god", "Dva lagerya teoretikov (po povodu 'Dnya' i koy-chego drugogo)", "Dnevnik pisatelya", "Pushkin". They are studied using cultural-historical, comparative-historical, imagological methods of text analysis. In Dostoevsky's works, two stages of the writer's appeal to the image of Peter and to the problems of Peter's reform are distinguished: the beginning of the 1860s and the second half of the 1870s – the beginning of the 1880s. In "Ob'yavlenie o podpiske na zhurnal 'Vremya' na 1861 god" and "Dva lagerya teoretikov (po povodu 'Dnya' i koy-chego drugogo)", Dostoevsky speaks about the universal significance of Peter's reform, and at the same time argues that it separated the people and the educated part of society in Russia. The second stage of active attention to the problems of Peter's reform is the period of the second half of the 1870s-early 1880s. It is "Dnevnik pisatelya" of 1876–1877 and "Pushkin". It was here that Dostoevsky's final ideas about Peter the Great's geopolitical mission were formed. In "Dnevnik pisatelya" of 1876–1877, Dostoevsky discusses the national liberation struggle of the Slavs in the Balkans against the Ottoman yoke and the active role of Russia in these political events. Peter the Great appears here as one of the forerunners of the geopolitical idea of the All-Slavic unity led by Russia. In Pushkin's materials, Dostoevsky points to the deep relationship between Peter's reform and Pushkin as a unique Russian genius who embodied the "universal responsiveness" of the nation. In general, Dostoevsky's deep and ambiguous formulation of "the nihilist Peter the Great" carries a complex combination of different aspects of the writer's understanding of the historical role of Peter I and Peter's reform. Dostoevsky's texts about Peter I became an important component of his geopolitical concept: Peter's reform as Russia's step into Europe in the name of fraternal reunification of nations – this, according to Dostoevsky, is Russia's geopolitical mission in Europe and the world.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, Peter I, Alexander Pushkin, journalism

For citation: Novikova, E.G. (2024) "The nihilist Peter the Great": Fyodor Dostoevsky on the historical role of Peter I in the geopolitical aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 507. pp. 29–36. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/507/4

Исходные методологические подходы к проблеме «Петр I в восприятии Ф.М. Достоевского» были заданы И.Л. Волгиным в его фундаментальном труде «Достоевский и русский императорский дом» [1], несмотря на то, что история династии Романовых начинается в ней с момента кончины Петра I, Петра Алексеевича из династии Романовых, ставшего первым российским императором. В работе Ш. Липке, С.В. Мурзиной и М.В. Подрезова «Ф.М. Достоевский о роли личности в истории» утверждается, что Петр I относился к тем историческим личностям, которые всегда оставались в центре внимания писателя [2. С. 39]. О.С. Кругликова предприняла попытку интерпретации ряда высказываний Достоевского о Петре I в аспекте почвенничества писателя [3].

Однако материалы обращения Достоевского к образу Петра I свидетельствуют о том, что историческую роль первого российского императора в восприятии писателя нельзя полно и непротиворечиво реконструировать вне его размышлений о взаимодействии России и Европы, шире говоря – вне его общей геополитической картины мира.

В письме к К.П. Победоносцеву от 19 мая 1879 г. Достоевский рассказывает о только что законченной им книге романа «Братья Карамазовы» «Pro et contra», и, стремясь объяснить истоки теодицеи Ивана Карамазова, обращается к Европе, к «современной цивилизации», в которой, по его мнению, доминирует «европейский социализм» [4. Т. 30, кн. 1. С. 66–67]. Именно здесь он и формулирует свое представление о Петре I как о «нигилисте»: «Культуры¹ нет <...> через нигилиста Петра Великого» [4. Т. 30, кн. 1. С. 67]. По мнению Достоевского, «нет культуры» самостоятельного мышления, отсюда – такие интеллектуальные явления, как богоборчество Ивана Карамазова: подобный этому герою российский мыслитель «хоть все целиком у европейского социализма взял, а ведь и тут переделал так, что ни на что не похоже» [4. Т. 30, кн. 1. С. 67]. В связи с авторским осмыслением специфики социокультурного взаимодействия России с европейской мыслью и возникла уникальная формулировка Достоевского «нигилист Петр Великий».

В.Л. Цымбурский впервые предпринял попытку вписать реформы Петра I в общую картину «Геополитических взглядов Федора Достоевского»², он показал, что для писателя это был путь к «осознанию всемирного положения России» [5]. Тема петровских реформ в геополитическом аспекте была продолжена в ряде современных работ: так, А.В. Лесвицкий сопоставляет их восприятие Достоевским и евразийцами [6]; в исследованиях Е.А. Волковой вопрос оценки писателем их исторического значения вписывается в реконструкцию его отношения к Русско-турецкой войне 1876–1878 гг. [7, 8]. Специальное системное изучение образа Петра I как российского «нигилиста» в контексте геополитических взглядов Достоевского предпринимается впервые, что обусловило научную новизну исследования. Его актуальность определяется общей проблематикой взаимодействия художественной словесности и социально-политической мысли в русской культуре и литературе [9, 10], а также современным представлением о

Достоевском как о ярком и оригинальном политическом мыслителе [11–13].

«У нас – русских – две родины: наша Русь и Европа» [4. Т. 23. С. 30] – таково было сущностное представление Достоевского о России, и эта сложная природа страны и нации восходит к реформам Петра I: «В самом деле, что такое для нас петровская реформа <...> Мы <...> дружелюбно, с полною любовью приняли в душу гении чужих наций, всех вместе, не делая преимущественных племенных различий» [4. Т. 26. С. 147]. Так, общемировой смысл петровских реформ был осознан и принят Достоевским изначально. Это, по мысли писателя, обусловило также и современную ему российскую «политическую идею, завещанную еще Петром» [4. Т. 28, кн. 1. С. 208]. Как пишет В.Л. Цымбурский, «свое время Достоевский определяет как конец “эпохи прорубленного в Европу окошка”» [5]. С его точки зрения, эпоха Петра длилась в России до второй половины XIX в. и только сейчас заканчивается, поэтому закономерно, что к теме Петра I и его реформ Достоевский обращался на протяжении всего своего творчества.

* * *

Уникальное определение «нигилист Петр Великий» требует специального анализа. Представляется, что сама эта формулировка, организованная сложным взаимодействием изначально амбивалентных смыслов, по методологии своего создания может быть соотнесена с знаменитым определением Достоевского своих последних романов как «жития великого грешника». Традиционный жанр жития, обычно посвященный жизни и деяниям святых, здесь заявлен как повествование о «грешнике», но «великом» – во всей полноте возможных смыслов как его «величины», так и «величия». В свою очередь, в формулировке «нигилист Петр Великий» существительное «нигилист» может быть связано с почвенническими установками Достоевского, но при этом из двух традиционно используемых именовании первого российского императора как «Петра I» и «Петра Великого» выбран второй, также номинирующий его «величие» и «величину».

Достоевский, впервые посетивший Европу в 1862 г., свои впечатления о своем первом заграничном путешествии выразил в цикле публицистических очерков «Зимние заметки о летних впечатлениях», опубликованном в первой половине 1863 г. в журнале «Время». В частности, именно в этом публицистическом цикле Достоевский обращается к самому яркому и очевидному образу «нигилиста» в российской культуре – к образу Базарова: «беспокойный и тоскующий Базаров (признак великого сердца), несмотря на весь его нигилизм» [4. Т. 5. С. 59]. Нигилист – и «великое сердце», вновь здесь важное значение приобретает представление о его «величии».

Фрагмент «Главы III» «Зимних заметок...», в который вошла эта характеристика Базарова, посвящен И.С. Тургеневу – в достаточно неожиданном для традиционных представлений о почвеннических упреках Достоевского к нему аспекте: «Зато как же мы теперь самоуверенны в своем цивилизаторском призвании,

как свысока решаем вопросы, да еще какие вопросы-то: почвы нет, народа нет, национальность – это только известная система податей, душа – *tabula rasa*³, вошчик, из которого можно сейчас же вылепить настоящего человека, общечеловека всемирного, гомункула – стоит только приложить плоды европейской цивилизации да прочесть две-три книжки. Зато как мы спокойны, величаво спокойны теперь, потому что ни в чем не сомневаемся и все разрешили и подписали. С каким спокойным самодовольствием мы отхлестали, например, Тургенева за то, что он осмелился не успокоиться с нами и не удовлетвориться нашими величавыми личностями и отказался принять их за свой идеал, а искал чего-то получше, чем мы. Лучше, чем мы, господи помилуй! Да что же нас краше и безошибочнее в подсолнечной? Ну и досталось же ему за Базарова, беспокойного и тоскующего Базарова (признак великого сердца), несмотря на весь его нигилизм. Даже отхлестали мы его и за Кукшину, за эту прогрессивную вошь, которую вычесал Тургенев из русской действительности нам на показ, да еще прибавили, что он идет против эманципации⁴ женщины» [4. Т. 5. С. 59–60].

Обозначив современные «плоды европейской цивилизации» и «цивилизаторские» претензии определенных слоев российского общества как ложные «идеалы», Достоевский упоминает в том числе Кукшину Тургенева. В сущности, обращение Достоевского к образу Кукшиной – это та же позиция, которая была обозначена самим Тургеневым в статье «По поводу “Отцов и детей”»: «Я – коренной, неисправимый западник, и насколько этого не скрывал и не скрываю; однако я, несмотря на это, с особенным удовольствием вывел в лице Паншина (в «Дворянском гнезде») все комические и пошлые стороны западничества» [14. Т. 11. С. 88]. Именно о таком «кукшинском» феномене ложного прогресса и размышлял в письме к Победоносцеву Достоевский: «Культуры нет у нас (что есть везде) <...> то и выдумывает бедный наш бескультурный поневоле что-нибудь пофантастичнее, да понелепее, да чтоб ни на что не похоже» [4. Т. 30, кн. 1. С. 66]. Подобным «прогрессивным» псевдоевропейским тенденциям в российском обществе Достоевский и противопоставляет «беспокойного, тоскующего» нигилиста Базарова – человека «великого сердца», который «отказался принять их за свой идеал, а искал чего-то получше, чем мы».

Так, на фоне первого знакомства Достоевского с Западной Европой понятие «нигилизм» у него начинает наполняться сложными и крайне неоднозначными смыслами.

Любопытно, что в самом начале той же статьи «По поводу “Отцов и детей”» Тургенев использует существительное «почва»: «Не обладая большою долею свободной изобретательности, я всегда нуждался в <...> почве, по которой я бы мог твердо ступить ногами» [14. Т. 11. С. 86]. Безусловно, это может быть простым совпадением; но о своеобразном «почвенничестве» художественного творчества (не идеологии) Тургенева много, вполне осознанно и принципиально писал А.А. Григорьев, который был одним из ведущих сотрудников «Времени».

Кстати сказать, в начале тургеневской статьи он также упомянут [14. Т. 11. С. 87]. В свою очередь, понятие «почва» во многом объединяло Достоевского и Григорьева, не случайно в своем «Примечании <к статье Н. Страхова “Воспоминания об Аполлоне Александровиче Григорьеве“>» (1864) Достоевский подчеркнул: «Человек он был непосредственно и во многом даже себе не неведомо – почвенный, кряжевой» [4. Т. 20. С. 136].

А.А. Григорьеву принадлежит цикл из четырех статей «И.С. Тургенев и его деятельность. По поводу романа “Дворянское гнездо”», впервые опубликованный в журнале «Русское слово» за 1859 г. Возводя творчество Тургенева к пушкинской традиции И.П. Белкина, критик следующим образом объяснял свою позицию: «...в нас совершался еще процесс органический, процесс, который очерком обозначил свои грани – в нашем величайшем, единственно полном художественном явлении, в Пушкине – процесс борьбы Ивана Петровича Белкина с Сильвио, Германом, Алеко и т.д. – борьбы скудной, еще невозделанной почвы с непомерно-развившимися растительными силами. Представителем этого органического, пушкинского процесса во всех его фазисах – был в нашу эпоху Тургенев, и вот, в чем его великое историческое значение» [15. С. 304].

Переходя собственно к роману «Дворянское гнездо», А.А. Григорьев размышляет о двух недавно сменивших друг друга эпохах российского общества, характеризуя их следующим образом: «Одна эпоха веровала исключительно в развитие, то есть в силы и их стремления. Другая верит исключительно в природу, то есть в почву и среду» [15. С. 292]. Первая из них, по мысли критика, воплощена в фигуре Михалевича, однако ему противопоставлены Лежнёв и Лаврецкий, в которых Григорьев и обнаруживает белкинскую традицию Пушкина: «Смирением завершается их умственный и нравственный процесс, потому что в них больше природы, если хотите, физиологической личности, чем в Рудине и Михалевиче, – больше внутренних физиологических связей с той почвою, которая произвела их, с той средой, которая воспитала их первые впечатления» [15. С. 304]. Значимым в этом смысле представляется финал романа Тургенева «Накануне», главным героем которого был болгарин Инсаров, посвятивший свою жизнь борьбе за освобождение родины от турецкого ига: «Шубин изредка переписывается с Уваром Ивановичем, который один несколько и ни в чем не изменился. «Помните, – писал он ему недавно, – что вы мне сказали в ту ночь, когда стал известен брак бедной Елены, когда я сидел на вашей кровати и разговаривал с вами? Помните, я спрашивал у вас тогда, будут ли у нас люди? и вы мне отвечали: “Будут”. О черноземная сила! И вот теперь я отсюда, из моего “прекрасного далека”, снова вас спрашиваю: “Ну, что же, Увар Иванович, будут?”» Увар Иванович поиграл перстами и устремил в отдаление свой загадочный взор» [14. Т. 6. С. 300].

Опыт тургеневского романного творчества конца 1850 – начала 1860-х гг., важнейшим результатом ко-

торого стал программный образ Базарова, свидетельствует о том, что формирование почвеннических и «нигилистических» идей осуществлялось в определенном взаимодействии между собой, а принцип их жесткого и однозначного противостояния победит позже, когда процессы идейного оформления будут завершены. Достоевский, Тургенев, Григорьев, каждый по-своему, размышляли о тесной связи «великих сердец» славянских нигилистов и политических борцов с их «почвой», именно это их принципиально и отличает от ложно понятого «общечеловека всемирного, гомункула».

Можно предположить, что в сознании Достоевского к этому типу «нигилистов» относился и «Петр Великий» – великий реформатор России: «Петра можно назвать народным явлением настолько, насколько он выражал в себе стремление народа обновиться <...> Выражаясь точнее, одна идея Петра была народна» [4. Т. 20. С. 15]. При этом, опираясь на «стремление народа», Петр I в конечном счете, по мысли Достоевского, решал геополитические задачи России: «...общечеловеческое значение реформы Петра... Она, по прекрасному выражению Пушкина, прорубила нам окно в Европу, она указала нам на Запад» [4. Т. 20. С. 14]; «В самом деле, что такое для нас петровская реформа <...> Ведь мы разом устремились тогда к самому жизненному воссоединению, к единению всечеловеческому!» [4. Т. 26. С. 147].

* * *

В творчестве Достоевского можно выделить два этапа специального обращения писателя к образу Петра и к проблематике петровской реформы – это начало 1860-х гг. и вторая половина 1870 – начало 1880-х гг., иначе говоря, первый и заключительный периоды его зрелого творчества.

По возвращении из Сибири писатель активно включился в актуальную социально-политическую повестку дня, прежде всего, организацией журнала «Время». Его первым программным текстом стало «Объявление о подписке на журнал «Время» на 1861 год» 1860 г.

Оно начинается размышлением Достоевского о современности: «Прежде чем мы приступим к объяснению, почему именно мы считаем нужным основать новый публичный орган в нашей литературе, скажем несколько слов о том, как мы понимаем наше время и именно настоящий момент нашей общественной жизни» [4. Т. 18. С. 35]. Бесспорным образцом «важнейших событий нашей истории» здесь предстает «реформа Петра» [4. Т. 18. С. 35] в ее геополитическом «значении»: «Мы сознаем, что реформа раздвинула наш кругозор, что через нее мы осмыслили будущее значение наше в великой семье всех народов» [4. Т. 18. С. 36–37]; «Мы знаем, что не оградимся уже теперь китайскими стенами от человечества. Мы предугадываем, и предугадываем с благоговением, что характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий» [4. Т. 18. С. 37]. Так, петровские реформы в размышлениях Достоевского сразу же предстают как ключевое, поворотное явление российской

истории, предельно актуальное и для текущей современности, к которому он апеллирует, стремясь разъянить общественно-политическую и культурную позицию планируемого им «Времени».

При этом, с его точки зрения, «петровская реформа, продолжавшаяся вплоть до нашего времени, дошла наконец до последних своих пределов. Дальше нельзя идти, да и некуда: нет дороги; она вся пройдена». А именно: «Все следовавшие за Петром узнали Европу, примкнули к европейской жизни и не сделались европейцами» [4. Т. 18. С. 36].

Вот ключевая позиция писателя по поводу деятельности Петра: «мы» «узнали Европу», но «не сделались европейцами». Поэтому, по мысли писателя, самым опасным для России результатом петровской реформы стало «разъединение» «великого русского народа» и «сословия образованного» [4. Т. 18. С. 35]. Достоевский называет это «нравственным распадом народа с его высшим сословием» и подчеркивает, «какою дорогою ценою досталась нам тогдашняя новая жизнь» [4. Т. 18. С. 36].

Основной причиной этого исторического разъединения Достоевский считает саму сущность реформаторской деятельности «великого царя», собственно она и представляется ему «нигилистической» по отношению к нации: «Реформа Петра Великого <...> нам слишком дорого обошлась: она разъединила нас с народом. С самого начала народ от нее отказался. Формы жизни, оставленные ему преобразованием, не согласовались ни с его духом, ни с его стремлениями, были ему не по мерке, не впору. Он называл их немецкими, последователей великого царя – иностранцами» [4. Т. 18. С. 36]. «Народ, отшатнувшийся от Петровской реформы еще 170 лет назад» [4. Т. 18. С. 35], – таков результат этой деятельности.

Размышляя о «распадении народа с его высшим сословием», Достоевский замечает далее: «Мы говорим здесь не о славянофилах и не о западниках. К их домашним раздорам наше время совершенно равнодушно» [4. Т. 18. С. 37]. Тем не менее в статье «Два лагеря теоретиков (по поводу “Дня” и кой-чего другого)», опубликованной во «Времени» в 1862 г. и посвященной именно этим «двум лагерям теоретиков», он продолжил свои сложные и глубокие размышления о петровской реформе в совершенно закономерном контексте западничества – славянофильства.

Прежде всего, Достоевский принципиально подчеркивает ее «почвеннические» основания, прямо указывая здесь на ее «русскую почву»: «Такое историческое явление, каков Петр, выросло на русской почве <...> В русском воздухе носились уже задатки реформационной бури, и в Петре только сосредоточилось это пламеннейшее общее желание – дать новое направление нашей исторической жизни» [4. Т. 20. С. 14–15].

Однако деятельность «нигилиста Петра Великого», в полном соответствии с этим амбивалентным определением, представлялась Достоевскому и народной, и антинародной одновременно: «Петра можно назвать народным явлением настолько, насколько он выражал в себе стремление народа обновиться <...> Выражаясь точнее, одна идея Петра была народна. Но Петр как

факт был в высшей степени антинароден... <...> он изменил народному духу в деспотизме своих реформаторских приемов» [4. Т. 20. С. 15].

Нигилистическое отношение к собственному народу в этой статье уточняется как «деспотизм»: «А у Петра пылали костры и воздвигались эшафоты для людей, не сочувствовавших его преобразованиям <...> реформа главным образом обращена была на внешность <...> преобразование было таково, что простиралось на его одежду, бороду и т.д.» [4. Т. 20. С. 15]. Поэтому, в частности, Достоевский выражает глубокое сомнение в том, что петровская реформа на своих первых этапах действительно способствовала продуктивной европеизации России: «...мы чрезвычайно ошиблись бы, если б подумали, что реформа Петра принесла в нашу русскую среду главным образом общечеловеческие западные элементы. На первый раз у нас водворилась только страшнейшая распущенность нравов, немецкая бюрократия – чиновничество» [4. Т. 20. С. 14].

Вновь в этой статье повторяется принципиальная идея Достоевского о том, что «петровские реформы создали у нас своего рода *statum in statu*⁵ <...> создали так называемое образованное общество» [4. Т. 20. С. 7], причем суть этого «государства в государстве» теперь квалифицируется им гораздо более жестко и однозначно, чем в «Объявлении о подписке...»: «общество, часто изменявшее народным интересам, совершенно разобщенное с народной массой, мало того, ставшее во враждебное к ней отношение» [4. Т. 20. С. 7]. При этом, по мысли Достоевского, в конечном счете и оно стало заложником такого разобщения: «От разрыва с народом страдают и высшие классы. Их силы сравнительно с силами народа – чрезвычайно малы, если не ничтожны» [4. Т. 20. С. 18].

«Оттого петровская реформа принесла характер измены нашей народности, нашему народному духу» [4. Т. 20. С. 14], «и от этого раздвоения народа страшно страдают обе его части» [4. Т. 20. С. 18] – таково общее определение Достоевского деятельности Петра I как нигилистической «измены народному духу» в целом. Поэтому основная задача России на сегодняшнем этапе ее развития, с точки зрения Достоевского, – объединение нации, разобщенной петровской реформой: «...когда у нас будет не на словах только, а на деле один народ, когда мы скажем о себе заодно с народной массой – мы» [4. Т. 20. С. 19].

Однако именно в данном контексте осмысление петровских реформ в статье «Два лагеря теоретиков...» приобретает геополитический масштаб.

Остро поставив вопрос объединения нации, Достоевский прежде всего обращается к вопросу о том, что такое собственно нация, в чем состоит национальная специфика, которую он связывает с «правом *саморазвития*, *умственной автономии*» [4. Т. 20. С. 7] каждого народа. На этой основе Достоевский описывает свое представление о национальной самобытности: «...каждый, развиваясь при особых условиях, исключительно свойственных той стране, которую он заселяет, неизбежно образует свое миросозерцание, свой склад мысли, свои обычаи, свои уставы в общественной жизни <...> неизбежно надобно обращать внимание на

народность, если мы хотим какого-нибудь развития народу... Народные инстинкты слишком чутки ко всякому посягательству со стороны» [4. Т. 20. С. 7].

Проблема национальной самобытности для Достоевского не самодостаточна, он к ней обращается для того, чтобы выйти к вопросу о роли и значении каждой нации на общей мировой арене, в конечном счете для него «национальное» и «общечеловеческое» теснейшим образом взаимосвязаны между собой: «Говоря, впрочем, о национальности, мы не разумеем под нею ту национальную исключительность, которая весьма часто противоречит интересам всего человечества. Нет, мы разумеем тут истинную национальность, которая всегда действует в интересе всех народов» [4. Т. 20. С. 19]. По мысли Достоевского, каждый из современных народов, в соответствии со своими «местными» особенностями, «применительно к условиям своего материального состояния», выполняет «свою задачу» и тем самым «развивает ту или другую сторону общего человека <...> тогда человечество и совершит полный цикл своего развития» [4. Т. 20. С. 19]. Эти базовые геополитические представления Достоевского о потенциально возможной близости наций в едином человечестве и обусловили его сущностное понимание того, что петровская реформа, при всех ее сложностях и противоречиях, в конце концов имела для России «общечеловеческое значение» [4. Т. 20. С. 14].

Таким было исходное понимание Достоевского петровской реформы в его публицистических работах начала 1860-х гг.

* * *

Второй этап активного обращения к проблематике петровской реформы – период второй половины 1870 – начала 1880-х гг. Это материалы «Дневника писателя» 1876–1877 гг. и «Пушкин (Очерк)», также опубликованный в августовской книге «Дневника писателя» за 1880 г. На первый взгляд, заданы два совершенно разных подхода: участие России в национально-освободительной борьбе славян и творчество поэта. Однако именно в таких разных контекстах и формируется целостное представление Достоевского о геополитической миссии Петра I: масштаб мировой политики и масштаб русского гения, воплотившего в себе сущностные черты нации.

Одной из основных тем «Дневника писателя» 1876–1877 гг. стал так называемый восточный вопрос – национально-освободительная борьба славян на Балканах против османского ига, которая началась как вооруженное восстание, а затем продолжилась как война; во всех этих событиях Россия принимала самое активное участие, помогая славянским народам сначала на основе добровольческого движения, а позже – в результате официального решения императора Александра II, объявившего в апреле 1877 г. Турции войну.

Полная и безоговорочная поддержка россиян, как добровольцев, так и официальных военных структур, определяет все материалы «Дневника писателя» Достоевского 1876–1877 гг., посвященные «восточному вопросу», который он воспринимает как «и славянский вместе» [4. Т. 26. С. 30]. Эти политические события

привели писателя к мысли об особом геополитическом предназначении России как «великой Всеславянской империи» [4. Т. 26. С. 79]. Так представлялся Достоевскому «новый этап развития мировой истории: после падения римского католичества “утраченный образ Христа” сохраняют только Россия и восточное христианство – православие, поэтому на смену мировому господству Римской империи грядет мировое господство Всеславянской империи во главе с Россией» [16. С. 217–218].

Для обоснования этой идеи писатель обращается к русской истории: «Восточный вопрос (то есть и славянский вместе) <...> Родился он при первом сплочении великорусского племени в единое русское государство, то есть вместе с царством Московским. Восточный вопрос есть исконная идея Московского царства, которую Петр Великий признал в высшей степени и, оставляя Москву, перенес с собой в Петербург. Петр в высшей степени понимал ее органическую связь с русским государством и с русской душой. Вот почему идея не только не умерла в Петербурге, но прямо признана была бы *русским назначением* всеми преемниками Петра» [4. Т. 26. С. 30]. Петр I предстает здесь как один из провозвестников геополитической идеи всеславянского единства во главе с Россией.

Следует обратить внимание на то, что в понимании Достоевского идея «Всеславянской империи» как «*русского назначения*» объединяет все этапы российской истории: сформированная в «Московском царстве», она получает «признание» Петра I и его «преемников...» Достоевский писал о «московском периоде» российской истории как о «допетровской Руси» [4. Т. 20. С. 12], противопоставляя Россию «Московского царства» и Россию Петра, что служило одним из доказательств «нигилизма» первого российского императора по отношению к предшествующей ему истории государства. Теперь же Достоевский подчеркивает преемственность геополитической деятельности Петра: «Царь Иван Васильевич употреблял все усилия, чтоб завоевать Балтийское побережье, лет сто тридцать раньше Петра. Если б завоевал его и завладел его гаванями и портами, то неминуемо стал бы строить свои корабли, как и Петр» [4. Т. 22. С. 110]. Поэтому, по мнению Достоевского, «через реформу Петра произошло расширение *прежней* же нашей идеи, русской московской идеи, получилось умножившееся и усиленное понимание ее: мы сознали тем самым всемирное назначение наше» [4. Т. 23. С. 47]. Геополитическая роль Петра – «расширение» национальной идеи до «всемирного назначения».

«С Петровской реформой явилось расширение взгляда беспримерное, – и вот в этом <...> весь подвиг Петра» [4. Т. 23. С. 46], – повторяет Достоевский. Далее, стремясь объяснить, «что же это за “расширение взгляда”, в чем оно и что означает?», он говорит об уникальности петровской реформы – «подобной реформы нигде никогда и не было» [4. Т. 23. С. 47] – в конечном счете, во имя предельно дорогой для него идеи «Всеславянской империи» во главе с Россией, которая представляется ему реализацией общечеловеческой православной миссии нации: «Это, действительно

и на самом деле, почти братская любовь наша к другим народам <...> это потребность наша всеслужения человечеству <...> это, может быть, и есть начало, первый шаг того деятельного приложения нашей драгоценности, нашего православия, к всеслужению человечеству» [4. Т. 23. С. 47].

В «Дневнике писателя» 1876–1877 гг. Достоевский фактически отказывается от своих предыдущих предсказаний о «нигилизме» Петра. Отвечая на вопрос: «что же это за “расширение взгляда”, в чем оно и что означает?», он, в частности, пишет и о том, что это «не измена тоже народным русским нравственным началам, во имя европейской цивилизации; нет» [4. Т. 23. С. 47]. Однако при этом, думается, не следует забывать, что сама формулировка «нигилист Петр Великий» содержится в письме к К.П. Победоносцеву 1879 г.

Одним из последних программных произведений Достоевского стала его знаменитая речь о Пушкине, опубликованная в августовской книге «Дневника писателя» за 1880 г. как «Пушкин (Очерк)» в сопровождении «Объяснительного слова по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине».

Уже в «Зимних заметках о летних впечатлениях», описывая свои первые впечатления от Европы, Достоевский обращается к Пушкину: «А уж Пушкин ли не русский был человек! <...> Ведь это пророк и провозвестник» [4. Т. 5. С. 52]. Предельно значимыми представляются его размышления о Пушкине в письме к Н.Н. Страхову от 24 марта (5 апреля) 1870 г.: «Пушкин, Ломоносов – гении. Явиться с *Арапом Петра Великого* и с *Белкиным* – значит решительно появиться с гениальным *новым словом*, которого до тех пор *совершенно* не было нигде и никогда сказано» [4. Т. 29, кн. 1. С. 114]. Гениальность Пушкина Достоевский доказывает – достаточно неожиданно – прежде всего, его незаконченным произведением «Арап Петра Великого», восходящим, как известно, к истории рода Ганнибалов, как будто бы в сознании писателя Петр I, история происхождения Пушкина и его гениальность были каким-то образом взаимосвязаны между собой.

В пушкинских материалах «Дневника писателя» представление о такой взаимосвязи, изначально, возможно, интуитивное, получило уже вполне оформленное воплощение – Пушкин и петровская реформа: «Пушкин как раз приходит в самом начале правильного самосознания нашего, едва лишь начавшегося и зародившегося в обществе нашем после целого столетия с петровской реформы <...> В этом-то смысле Пушкин есть пророчество и указание» [4. Т. 26. С. 136–137].

Отсюда – закономерное обращение в «Пушкине» собственно к проблематике петровской реформы: «В самом деле, что такое для нас петровская реформа, и не в будущем только, а даже и в том, что уже было, произошло, что уже явилось воочию? Что означала для нас эта реформа?» [4. Т. 26. С. 147].

В начале очерка, размышляя о «Цыганах» и об «Евгении Онегине» и собственно об Алеко и Онегине как о едином типе «скитальца в родной земле <...> столь исторически необходимо явившегося в оторванном от народа обществе нашем», Достоевский вновь намечает тему ложной европеизации России, которая в конце концов

приводит к «социализму» [4. Т. 26. С. 137] (та же мысль, что и в письме к К.П. Победоносцеву).

Однако далее, задавая общие вопросы о смысле петровской реформы, он показательно уходит от этой проблематики: «Что означала для нас эта реформа? Ведь не была же только для нас усвоением европейских костюмов, обычаев, изобретений и европейской науки. Вникнем, как дело было, поглядим попристальнее <...> Петр несомненно повиновался некоторому затаенному чутью, которое влекло его, в его деле, к целям будущим, несомненно огромнейшим» [4. Т. 26. С. 147]. Призывая взглянуть в петровскую реформу «попристальнее», Достоевский подчеркивает истинно геополитический масштаб и смысл деятельности первого российского императора: «Если захотите вникнуть в нашу историю после петровской реформы, вы найдете уже следы и указания <...> в характере общения нашего с европейскими племенами, даже в государственной политике нашей. Ибо, что делала Россия во все эти два века в своей политике, как не служила Европе» [4. Т. 26. С. 147–148]; «Для настоящего русского Европа <...> так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей» [4. Т. 26. С. 147]. Принципы «всемирного» служения на основе «братства и братского стремления нашего к воссоединению людей», по мысли Достоевского, уже реализуются «в государственной политике» России.

Геополитическая проблематика была вполне закономерна в материалах «Дневника писателя», посвященных Русско-турецкой войне, но ее актуализация в «Пушкине», на первый взгляд, не столь очевидна. Объяснение этому – сущностные представления Достоевского о гении Пушкина как воплощении «всемирной отзывчивости», «всемирности, всепонятности» [4. Т. 26. С. 130]: «...не было поэта с такою всемирною отзывчивостью, как Пушкин, и не в одной только отзывчивости тут дело, а в изумляющей глубине ее, а в перевоплощении своего духа в дух чужих народов» [4. Т. 26. С. 146]. Стремясь объяснить пушкинский феномен «всемирной отзывчивости», Достоевский характеризует его как «национальный» и подчеркивает его теснейшую связь с петровской реформой: «Народ же наш именно заключает в душе своей эту склонность к всемирной отзывчивости и к всепримирению и уже проявил ее во все двухсотлетие с петровской реформы не раз» [4. Т. 26. С. 131].

* * *

Таким образом, глубокая и многозначная формулировка Достоевского «нигилист Петр Великий» несет в себе сложное сочетание разных векторов осмысления писателем исторической роли Петра I и петровской реформы.

Если в начале 1860-х гг. его основные акценты определялись темой ответственности первого российского императора за распадение нации на «народ» и «образованное сословие», то во второй половине 1870 – начале 1880-х гг. национальная проблематика приобретает принципиально новые смыслы особой миссии России по объединению разных наций для их общего служения человечеству. Тексты Достоевского о Петре I стали значимой составляющей его геополитической концепции: петровская реформа как шаг России в Европу во имя братского воссоединения наций – такова, по мысли Достоевского, геополитическая миссия России в Европе и мире.

Примечания

¹ Здесь и далее курсив Достоевского.

² Данный текст – один из фрагментов рукописи незавершенной докторской диссертации В.Л. Цымбурского, размещенный на сайте «Русская idea»; его название предложено рабочей группой (в составе Н.М. Йова, Г.Б. Кремнева, Б.В. Межуева).

³ Чистый лист (лат.)

⁴ Так у Достоевского.

⁵ Государство в государстве (лат.)

Список источников

1. Волгин И.Л. Колеблясь над бездной. Достоевский и русский императорский дом. М.: Центр гуманитар. образования, 1998. 651 с.
2. Липке Ш., Мурзина С.В., Подрезов М.В. Ф.М. Достоевский о роли личности в истории // Геополитическая карта и картина мира Ф.М. Достоевского / под ред. Е.Г. Новиковой, А.И. Щербинина. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2021. С. 38–45.
3. Кругликова О.С. Образ Петра Великого в публицистике Ф. М. Достоевского // Русско-византийский вестник. Научный журнал Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви. 2022. № 3 (10). С. 119–128.
4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
5. Цымбурский В.Л. Геополитические взгляды Федора Достоевского // Русская idea. 2014. URL: <https://politconservatism.ru/experiences/geopoliticheskie-vzglyady-fedora-dostoevskogo> (дата обращения: 12.04.2024).
6. Лесевицкий А.В. Реформы Петра Великого в восприятии Ф.М. Достоевского и идеологов евразийства // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 9. URL: <https://human.snauka.ru/2013/09/3635> (дата обращения: 04.04.2024).
7. Волкова Е.А. Восточный вопрос и Россия в творчестве Ф.М. Достоевского // Научные ведомости. Серия: История. Политология. 2017. № 8 (257), вып. 42. С. 111–118.
8. Волкова Е.А. Восточная политика России в художественных и публицистических сочинениях Ф.М. Достоевского // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2017. № 2 (275). С. 125–128.
9. Ивашов Л.Г. Русская культура и русская геополитика // Наш современник. 2006. № 10. С. 47–58.
10. Гердт Я.В. Истоки российской геополитики // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 12 (266). С. 26–30.
11. Геополитическая карта и картина мира Ф.М. Достоевского / под ред. Е.Г. Новиковой, А.И. Щербинина. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2021. 288 с.
12. Коротченко Т.В. Политическая проблематика наследия Ф.М. Достоевского: американская рецепция // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 32–41. doi: 10.17223/15617793/464/4

13. Богданов А.В. Политическая теория почвенничества: А.А. Григорьев, Ф.М. Достоевский, Н.Н. Страхов : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2002. 22 с.
14. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М. : Наука, 1978–2014.
15. Григорьев А.А. Апология почвенничества / сост. и коммент. А.В. Белова. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2008. 688 с.
16. Новикова Е.Г. Россия как центр геополитических размышлений Ф.М. Достоевского // Геополитическая карта и картина мира Ф.М. Достоевского / под ред. Е.Г. Новиковой, А.И. Щербинина. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2021. С. 207–218.

References

1. Volgin, I.L. (1998) *Koleblyas' nad bezdnoy. Dostoevskiy i russkiy imperatorskiy dom* [Wavering over the Abyss. Dostoevsky and the Russian Imperial House]. Moscow: Tsentr gumanitarnogo obrazovaniya.
2. Lipke, Sh., Murzina, S.V. & Podrezov, M.V. (2021) F.M. Dostoevskiy o roli lichnosti v istorii [F.M. Dostoevsky on the Role of the Individual in History]. In: Novikova, E.G. & Shcherbinin, A.I. (eds) *Geopoliticheskaya karta i kartina mira F.M. Dostoevskogo* [F.M. Dostoevsky's Geopolitical Map and Picture of the World]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 38–45.
3. Kruglikova, O.S. (2022) Obraz Petra Velikogo v publitsistike F. M. Dostoevskogo [The Image of Peter the Great in the Journalism of F.M. Dostoevsky]. *Russko-vizantiyskiy vestnik. Nauchnyy zhurnal Sankt-Peterburgskoy Dukhovnoy Akademii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*. 3 (10). pp. 119–128.
4. Dostoevskiy, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete Works: in 30 volumes]. Leningrad: Nauka.
5. Tsyumburskiy, V.L. (2014) *Geopoliticheskie vzglyady Fedora Dostoevskogo* [Geopolitical views of Fyodor Dostoevsky]. [Online] Available from: <https://politconservatism.ru/experiences/geopoliticheskie-vzglyady-fedora-dostoevskogo> (Accessed: 12.04.2024).
6. Lesevitskiy, A.V. (2013) Reformy Petra Velikogo v vospriyatii F.M. Dostoevskogo i ideologov evraziystva [Reforms of Peter the Great in the perception of F.M. Dostoevsky and the ideologists of Eurasianism]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*. 9. [Online] Available from: <https://human.snauka.ru/2013/09/3635> (Accessed: 04.04.2024).
7. Volkova, E.A. (2017) Vostochnyy vopros i Rossiya v tvorchestve F.M. Dostoevskogo [The Eastern Question and Russia in F.M. Dostoevsky's Works]. *Nauchnye vedomosti. Seriya: Istoriya. Politologiya*. 8 (257):42. pp. 111–118.
8. Volkova, E.A. (2017) Vostochnaya politika Rossii v khudozhestvennykh i publitsisticheskikh sochineniyakh F.M. Dostoevskogo [Russia's Eastern Policy in F.M. Dostoevsky's Fiction and Journalistic Works]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2 (275). pp. 125–128.
9. Ivashov, L.G. (2006) Russkaya kul'tura i russkaya geopolitika [Russian Culture and Russian Geopolitics]. *Nash sovremennik*. 10. pp. 47–58.
10. Gerdt, Ya.V. (2012) Istoki rossiyskoy geopolitiki [The Origins of Russian Geopolitics]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 12 (266). pp. 26–30.
11. Novikova, E.G. & Shcherbinin, A.I. (eds) (2021) *Geopoliticheskaya karta i kartina mira F.M. Dostoevskogo* [F.M. Dostoevsky's Geopolitical Map and Picture of the World]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Korotchenko, T.V. (2021) Political Issues in Fyodor Dostoevsky's Writings: American Reception. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 464. pp. 32–41. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/464/4
13. Bogdanov, A.V. (2002) *Politicheskaya teoriya pochvennichestva: A.A. Grigor'ev, F.M. Dostoevskiy, N.N. Strakhov* [Political Theory of Pochvennichestvo: A.A. Grigor'ev, F.M. Dostoevskiy, N.N. Strakhov]. Abstract of Political Science Cand. Diss. Moscow.
14. Turgenev, I.S. (1978–2014) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete Works and Letters: in 30 volumes]. Moscow: Nauka.
15. Grigor'ev, A.A. (2008) *Apologiya pochvennichestva* [Apology of Pochvennichestvo]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
16. Novikova, E.G. (2021) Rossiya kak tsentr geopoliticheskikh razmyshleniy F.M. Dostoevskogo [Russia as the Center of FM Dostoevsky's Geopolitical Reflections]. In: Novikova, E.G. & Shcherbinin, A.I. (eds) *Geopoliticheskaya karta i kartina mira F.M. Dostoevskogo* [F.M. Dostoevsky's Geopolitical Map and Picture of the World]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 207–218.

Информация об авторе:

Новикова Е.Г. – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: elenov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.G. Novikova, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elenov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.05.2024;
одобрена после рецензирования 17.07.2024; принята к публикации 30.10.2024.*

*The article was submitted 18.05.2024;
approved after reviewing 17.07.2024; accepted for publication 30.10.2024.*